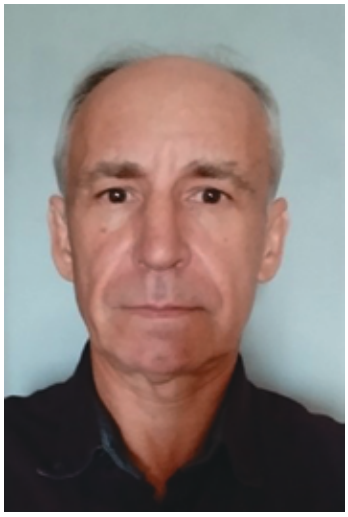
КОНОНЕНКО ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ



Независимый исследователь.

г. Мариуполь, Россия

E-mail: oleg-3806@mail.ru

УДК 572.1/4

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ СТРОЙ КАК ГИПОТЕЗА АНТРОПОГЕНЕЗА:

концептуальная модель внутривидового подавления и её следствия

Статья предлагает концептуальную модель ранних этапов антропогенеза, в которой возникновение прямохождения, развитие мозга, формирование морали и высших чувств рассматриваются как следствия длительного внутривидового подавления одной группы высших приматов другой. Модель исходит из переноса внутривидовой конкуренции за пищевой ресурс в условиях перенаселения тропических лесов Африки и формирования устойчивой системы доминирования, в которой одна часть популяции использовалась другой как пищевой ресурс. Гипотеза представлена в двух версиях: сильной (H1), включающей постулаты о систематическом повреждении передних конечностей удерживаемых особей и ритуальном сжигании тел доминантов, и слабой (H1a), сохраняющей механизм подавления без этих экстремальных допущений. В качестве эмпирической опоры привлекаются данные приматологии (каннибализм и межгрупповая агрессия у шимпанзе), палеоантропологии, эволюционной психологии морали и фольклористики (система ATU, мотивный указатель С. Томпсона). Сформулированы четыре проверяемых следствия с условиями опровержения и указаны ограничения модели. Показано, что мотив сжигания побеждённого чудовища с развеиванием пепла в фольклоре воспроизводит тот же поведенческий прототип, что и реконструируемый ритуал уничтожения доминантов.

Ключевые слова: антропогенез, прямохождение, рост мозга, каннибализм, доминирование, эволюция морали, доброта, любовь, фольклорные мотивы, приматология, внутривидовая агрессия, иерархия жертвы.

Oleg A. Kononenko

Mariupol, Russia
E-mail: oleg-3806@mail.ru

THE CONCENTRATION ORDER AS A HYPOTHESIS OF ANTHROPOGENESIS: a conceptual model of intraspecific suppression and its consequences

The article proposes a conceptual model of the early stages of anthropogenesis, in which the emergence of bipedalism, brain growth, the formation of morality and higher feelings are considered as consequences of long-term intraspecific suppression of one group of higher primates by another. The model proceeds from the transfer of intraspecific competition for food resources under overpopulation of the African tropical forests and the formation of a stable dominance system in which one part of the population was used by another as a food resource. The hypothesis is presented in two versions: the strong version (H1), which includes postulates about the systematic damaging of the forelimbs of the retained individuals and the ritual burning of the bodies of dominants, and the weak version (H1a), which preserves the suppression mechanism without these extreme assumptions. Data from primatology (cannibalism and intergroup aggression in chimpanzees), paleoanthropology, the evolutionary psychology of morality and folkloristics (the ATU system, S. Thompson's motif index) are used as empirical support. Four testable consequences with conditions of refutation are formulated and the limitations of the model are indicated. It is shown that the folklore motif of burning the defeated monster with the scattering of ashes reproduces the same behavioral prototype as the reconstructed ritual of destroying dominants.

Keywords: anthropogenesis, bipedalism, brain growth, cannibalism, dominance, evolution of morality, kindness, love, folklore motifs, primatology, intraspecific aggression, hierarchy of prey.

DOI: 10.32691/2410-0935-2026-21-266-278

© О. А. Кононенко 2026

1. Введение и постановка проблемы

Настоящая работа представляет собой концептуальную реконструкцию ранних этапов антропогенеза. Методологический статус текста следует оговорить сразу: это не документальная хроника и не археологический отчёт, а модель, построенная на внутренней логике. Задача — не доказать буквальную достоверность описываемых событий, а показать, что единый процесс способен непротиворечиво объяснить разнородный набор фактов: возникновение прямохождения, утрату клыков и шерсти, рост мозга, формирование морали и высших чувств, а также устойчивые фольклорные мотивы о чудовищах-людоедах. Если такая непротиворечивость демонстрируема, модель приобретает право на существование в качестве гипотезы, подлежащей эмпирической проверке (раздел 7).

Существующие подходы к антропогенезу — трудовая концепция (Ф. Энгельс), энергетическая гипотеза, репродуктивная гипотеза [Lovejoy 1981], «саванная» гипотеза (R. Dart) — объясняют отдельные аспекты, но не предлагают единой причины, одновременно порождающей перечисленные следствия. Предлагаемая модель формулирует такую причину: длительное системное внутривидовое подавление, при котором одна часть популяции эксплуатировала другую как пищевой ресурс.

Сильная версия гипотезы (H1). Прямохождение, утрата клыков и шерсти, рост мозга, возникновение морали и любви, а также универсальные фольклорные мотивы о чудовищах-людоедах являются следствиями единого процесса: длительного системного внутривидового подавления, при котором одна часть популяции высших приматов использовалась другой как пищевой ресурс; при этом для удержания ресурса применялось систематическое повреждение передних конечностей, а тела доминантов после их гибели уничтожались ритуальным сожжением с развеиванием пепла.

Слабая версия гипотезы (H1a). Тот же механизм подавления без двух экстремальных допущений: контроль над подавляемой группой осуществлялся преимущественно страхом, демонстративным наказанием и ограничением перемещения, без систематических увечий и ритуального сжигания. Все основные следствия модели (прямохождение, рост мозга, мораль, фольклорные мотивы) сохраняются в версии H1a.

Терминология. Под «злом» в данной работе понимается целенаправленная агрессия, выходящая за рамки пищевой и оборонительной мотивации и направленная на установление или поддержание доминирования. Термин используется не как моральная категория, а как операциональное обозначение поведения, отличимого от ритуальной агрессии по двум критериям: осознанности и отсутствия пищевой необходимости.

О названии. Термин «концентрационный строй» используется как описательный: он обозначает принцип организации, при котором живой ресурс концентрируется на ограниченной территории под надзором и систематически используется. Исторические коннотации XX века не привлекаются в качестве аргументации; слово выбрано как точное наименование описываемого механизма, а не как риторическая аналогия.

2. Эмпирический контекст приматологии

Период максимальной плотности популяций и ресурсного дефицита в тропических лесах Африки приходится на миоцен (23–5 млн лет назад). Крупные, социально организованные приматы занимали вершину пищевой цепи; систематическое давление хищников на вид в целом отсутствовало. При росте численности и исчерпании легкодоступного ресурса конкуренция переносилась с межвидового на внутривидовой уровень.

Возможность такой формы поведения у ближайших родственников человека подтверждена полевыми наблюдениями. Исследования Дж. Гудолл в национальном парке Гомбе (Танзания) зафиксировали систематический каннибализм среди шимпанзе. Самка Пэшн вместе с дочерью Пом на протяжении двух лет (1975–1977) убивала и поедала детёнышей других самок группы [Goodall 1990]. В 1974–1978 годах в Гомбе отмечена четырёхлетняя межгрупповая «война», в ходе которой группа Касакела планомерно уничтожала самцов соседней группы Кахамы [Goodall 1986]. Сама Гудолл отмечала, что при наличии огнестрельного оружия шимпанзе «не преминули бы воспользоваться им для убийства» [Эволюционные предшественники войн 1992].

Масштабное исследование 18 диких сообществ шимпанзе под руководством М. Уилсона подтвердило, что летальная агрессия у Pan является естественной адаптацией, закреплённой отбором в условиях острой конкуренции за ресурсы и половых партнёров, а не патологией, вызванной антропогенным воздействием [Wilson et al. 2014]. К особям из чужих групп шимпанзе относятся как к добыче: «особей из других социальных групп уже не рассматривают как шимпанзе» [Там же]. Случаи каннибализма зафиксированы также у шимпанзе в Уганде [Britannica].

Из этих данных следует рабочая экстраполяция: если при существенно меньшей плотности популяции и ресурсной нагрузке современные шимпанзе демонстрируют летальную внутривидовую агрессию, то у их более многочисленных и социально развитых предков в условиях миоценового дефицита вероятность перехода от ритуальной агрессии к систематическому уничтожению себе подобных возрастает.

3. Модель концентрационного строя

3.1. Переход от ритуальной агрессии к целенаправленной

Внутривидовая конкуренция у приматов исходно носила ритуальный характер: столкновение прекращалось при капитуляции противника, поскольку чрезмерная эскалация снижала приспособленность группы в целом. В условиях нарастающего дефицита ресурса это ограничение переставало быть адаптивным, и конфликт за статус трансформировался в конфликт за выживание.

Модель предполагает, что на этом этапе интеллект выполнял прагматическую функцию: оптимизацию агрессии. Операционально это означает появление поведения, при котором агрессия применяется без пищевой необходимости — как инструмент подчинения и демонстрации статуса. По критерию, введённому в разделе 1, такое поведение относится к определённому выше классу «зла».

3.2. От эпизодического каннибализма к системе удержания

На начальной стадии каннибализм был вынужденной мерой — потреблением ослабевших и отбившихся особей. В условиях голода поедание сородича переставало быть запретным: это была доступная биомасса. Далее каннибализм приобретал функцию сигнала доминирования: способность убить и съесть сородича демонстрировала положение особи вне общих правил, и выживание слабых начинало зависеть не от силы, а от лояльности.

Критический изъян системы «убивай и ешь» состоит в её разовой выгодности: уничтоженная особь не воспроизводится. Устойчивость обеспечивала идея запаса — удержание пойманных особей. В версии H1 для предотвращения побега по земле и по деревьям применялось повреждение передних конечностей.

Появление приёма в модели носит наблюдательный характер: систематическое применение повреждений следует за фиксацией того, что особи со случайно повреждёнными передними конечностями утрачивают способность к бегу и лазанию и потому становятся удерживаемыми без ограждения территории.

В версии H1a достаточно было демонстративного наказания: единичный публично наказанный случай регулировал поведение всей группы эффективнее физических барьеров.

В обеих версиях ограждение территории не требовалось: функциональный эквивалент барьера создавался увечьем (H1) либо страхом наказания (H1a).

3.3. Контроль воспроизводства ресурса

Численность удерживаемой группы росла не только вследствие дефицита, но и вследствие неутилитарного накопления: ресурс концентрировался сверх текущей потребности, поскольку его объём служил показателем статуса доминанта. Дополнительным шагом являлся контроль воспроизводства: удерживаемые особи получали возможность приносить потомство, что превращало ресурс в самовосполняемый. Территория содержания превращалась в замкнутую систему, численность в которой поддерживалась и внешними изъятиями, и внутренним приростом.

3.4. Прямохождение как следствие режима содержания

Палеоантропологические данные фиксируют прямохождение не менее 6–7 млн лет назад (Sahelanthropus tchadensis), задолго до появления каменных орудий (древнейшие ломеквийские — 3,3 млн лет назад; олдувайские — около 2,6 млн лет назад) [Brunet et al. 2002]. Ни трудовая, ни энергетическая, ни репродуктивная гипотезы не дают полного объяснения перехода к двуногости [Дробышевский 2026]. Биомеханические данные показывают, что двуногое передвижение энергетически выгоднее: человек при ходьбе расходует примерно в четыре раза меньше энергии, чем шимпанзе [Sockol et al. 2007]; однако энергетическая выгода объясняет поддержание бипедии, а не сам переход.

Предлагаемая модель даёт альтернативное объяснение. В обеих версиях гипотезы четвероногое перемещение удерживаемых особей маркировалось как подготовка к побегу: в H1 — вследствие увечий, делавших его невозмож-

ным, в H1a — вследствие страха перед показательным наказанием. Вертикальная поза снижала риск быть классифицированным как беглец. Прямохождение в модели — не прогрессивная адаптация, а следствие режима содержания: маркер статуса, по которому верхний уровень иерархии опознавал нижний. Оговорка о механизме закрепления приведена в разделе 8.

В терминах модели двуногость служила не только признаком беглеца, но и закреплённым образом ходячей пищи: особь, передвигающаяся на задних конечностях, распознавалась как удерживаемый ресурс. Поведенческое закрепление обеспечивалось принудительным вертикальным положением потомства и, согласно модели, достигалось за несколько поколений — после чего систематические повреждения замещались демонстративной угрозой.

3.5. Утрата клыков и шерсти (признак версии H1)

В версии H1 утрата клыков объясняется устранением угрозы для доминанта. При потреблении живой особи рефлекторное сопротивление жертвы (укус в ответ) при наличии у жертвы клыков создавало риск летального ранения доминанта, способное дестабилизировать всю иерархию. Устранение клыков у удерживаемой линии устраняло эту угрозу. Утрата шерсти интерпретируется как устранение помехи при потреблении (риск механической непроходимости кишечника при заглатывании шерсти у потомства доминантов). Оба признака являются экстремальными следствиями H1 и не входят в H1a.

3.6. Внутренняя иерархия подавляемой группы

Удерживаемая группа не была однородной. Сверху отбор шёл по критерию пищевой ценности (откормленные особи потреблялись в первую очередь), снизу — по критерию удобства жертвования (наиболее уязвимые передавались доминантам для снижения группового риска). Критерии пересекались: особь, откармливаемая наверху, одновременно была кандидатом на жертвование снизу. Внутри группы выделяются устойчивые поведенческие роли: предсказание намерений доминантов и перенаправление выбора на других («хитрецы»); демонстративная имитация неполноценности («притворщики»); семейная солидарность как механизм распределения риска; откорм намеченных («кормильцы»). Формировалась вертикаль, в которой положение определялось не силой, а умением минимизировать собственную уязвимость.

3.7. Двойная когнитивная нагрузка и рост мозга

Традиционные гипотезы роста мозга — «социальный мозг» (R. Dunbar), макиавеллиевский интеллект, пищевая гипотеза — объясняют возможность роста, но не его локализацию именно в подавляемой части популяции. Предлагаемая модель постулирует двойную когнитивную нагрузку: одновременно решались задачи двух типов — предсказание отбора со стороны доминантов (сверху) и предсказание внутригруппового жертвования (снизу). Доминант в этом давлении отбора не нуждался; давление действовало на всех прочих, то есть на нижних уровнях иерархии.

Палеоантропологические данные фиксируют: объём мозга гоминид сохранялся на уровне ~400–500 $см^3$ в течение миллионов лет, затем за ~2 млн лет

увеличился примерно втрое — до 1300–1500 см^3 [Brunet et al. 2002]. Начало роста (~2,5 млн лет назад) в модели интерпретируется как момент, когда выгода сообразительности в подавляемой группе превысила стоимость увеличенного мозга. По отношению к гипотезе социального мозга модель вводит уточнение: отбор шёл на социальный интеллект особого типа, где цена ошибки — смерть от сородича. Не «макиавеллиевский интеллект» (обман соперника ради статуса), а «интеллект жертвы» (обман хищника, который является сородичем).

4. Дестабилизация системы: побег, преследование, оружие

Численный перевес удерживаемой группы над доминантами сам по себе являлся потенциальным ресурсом сопротивления: массовое несотрудничество не требовало индивидуальной силы. Присоединение к нему выработанной за сотни поколений способности к слаженным действиям создавало условия для массового исхода. Уходили малыми группами (5–10 особей), преимущественно в ночное время, в саванну, предгорья и открытые пространства. Часть популяции оставалась в резервациях.

Исчерпание ресурса на территории содержания вынуждало доминантов к преследованию: поселения двуногих подвергались уничтожению или покорению. В ряде случаев доминанты оседали в поселениях и переходили к регулярному изъятию части обитателей — модель интерпретирует этот переход как смену режима с концентрационного на даннический: поселение «обслуживало» доминанта, получая взамен функцию защиты от иных угроз. Для двуногих это была знакомая логика в новой форме: к страху добавлялся обмен — дань в обмен на невмешательство; в этом пространстве формировался навык взаимодействия с силой, отличный от чистого подчинения.

Появление у Homo sapiens средств дистанционного поражения сдвинуло баланс окончательно. Оружие выполняло двойную функцию: инструмента уничтожения угрозы и инструмента изменения статусной позиции (возможность остановить доминанта меняла саму норму взаимодействия). Борьба протекала дольше в лесных районах, где четвероногая форма сохраняла преимущества; на открытых пространствах сочетание оружия и огня ускоряло вытеснение. Итогом стало исчезновение четвероногой популяции к моменту соединения речи и оружия.

5. Вторичная форма: мораль и любовь как адаптации подавляемой группы

После длительного периода, в котором смирение стало фиксированной стратегией (несопротивление перестало быть выбором), модель постулирует формирование нового качества — минимизации внутригрупповой агрессии. В условиях, где любое отклонение от покорности наказывалось, стратегия «не умножать страдания» была адаптивной: она не требовала ресурсов, не влекла эскалации и снижала суммарные издержки группы. Так формулируется центральный тезис модели: мораль возникла не из благоприятных условий, а как экономия боли — стратегия выживания подавляемой группы.

Эта логика согласуется с независимыми подходами. C. Boehm в работе «Moral Origins» рассматривает мораль как механизм коллективного подавления агрессоров в группах охотников-собирателей [Boehm 2012]; предлагаемая

модель добавляет противоположный вектор — мораль могла формироваться не только сверху (контроль группы над агрессором), но и снизу (как стратегия подавляемых), причём нижний вектор объясняет появление моральных качеств ранее способности к коллективной карающей акции. Данные F. de Waal о зачатках морального поведения у шимпанзе и бонобо [de Waal 1996] указывают на глубокую эволюционную укоренённость эмпатии и взаимопомощи. Гипотеза самодоместикации человека B. Hare [Hare 2017] демонстрирует, что отбор на просоциальность мог быть значимым фактором антропогенеза, что совместимо с предложенной моделью.

Любовь в модели рассматривается как крайняя форма той же линии: не притяжение, а предельная форма согласия — добровольное самоотречение в системе, где иные формы свободы недоступны. Поскольку ненависть в этой системе квалифицировалась как форма сопротивления и влекла наказание, её отрицание также было адаптивным. Передача этих качеств осуществлялась поведенческим путем — через наблюдение и подражание в межпоколенческой передаче норм; при длительности процесса (порядка 10^2 поколений, что в модели рассматривается как нижняя оценка) такие нормы могли войти в геном вида. Соответствующая оговорка о скорости закрепления приведена в разделе 8.

6. Фольклор как культурная запись

6.1. Табу на изображение

В наскальной живописи верхнего палеолита — тысячах изображений бизонов, оленей, мамонтов, отпечатков рук — отсутствуют изображения четвероногих гоминидов. Модель объясняет это запретом на репрезентацию источника угрозы: изображение мучителя означает его допущение в безопасное пространство. Процесс рисования сам по себе создавал окно уязвимости (длительное отвлечение внимания от входа), что усиливало избегание.

6.2. Ритуальное сжигание и тройной канал памяти (признак H1)

Отсутствие костей четвероногих гоминидов вне джунглей и Африки традиционная археология объясняет условиями сохранности; однако влажная среда объясняет отсутствие костей в джунглях, но не на открытых пространствах. В версии H1 модель предлагает альтернативу: тела четвероногих сжигали ритуально, а пепел развеивали. Функция действия — лишение тела возврата: погребение оставляет могилу, место и материализованную память; сжигание с развеиванием не оставляет ничего. Таким образом, формируется тройной канал памяти: на стене — ничего (табу на изображение), в земле — ничего (сжигание), в слове — все (рассказ).

6.3. Обратная симметрия сжигания

Показательно, что мотив сжигания сохраняется в фольклоре не только в образе чудовища, но и в стандартном финале победы: в устойчивых сказочных сюжетах побеждённое чудовище сжигают, а пепел развеивают по ветру (сожжённый Змей Горыныч, сожжённый дракон, уничтожение останков великана). Функция действия совпадает с реконструируемым ритуалом в точности: сжигание лишает тело возврата — ни могилы, ни места, ни следа в земле. Таким

образом, ритуал уничтожения доминанта и стандартный финал победы над чудовищем отражают, согласно модели, один и тот же поведенческий прототип. Для альтернативных объяснений фольклора (универсальный страх хищника, проекция образа чужака) этот мотив избыточен; для предлагаемой модели он является ожидаемым следствием.

6.4. Фольклорные мотивы и их классификация

Повсеместность мотивов о чудовищах-людоедах фиксируется в независимых традициях: греческий Минотавр, получающий регулярные жертвы, и Полифем, пожирающий спутников Одиссея; славянский Змей Горыныч, требующий в дань девиц, и Баба-яга; скандинавские тролли и великаны; полинезийские духи, утаскивающие одиноких путников; африканские существа на окраинах поселений. В международном указателе сюжетов ATU выделяется целая категория «Сказки о глупом людоеде» (ATU 1000–1199), где существо, пожирающее людей и побеждаемое хитростью, повторяется в десятках традиций [Uther 2004]. Мотивный указатель С. Томпсона содержит в разделе G («Ogres») рубрику G11 «Kinds of cannibals» — включая G11.0.1 «Cannibal god» (каннибальское божество) и G11.2 «Cannibal giant», а также рубрику G12 «Transformation in order to eat own kind» [Thompson 1955–1958].

В. Я. Пропп показал, что победа героя над злодеем в волшебной сказке почти никогда не достигается открытым боем — герой побеждает обманом, ловушкой, использованием чужой силы [Пропп 1969]. Модель интерпретирует этот устойчивый сюжетный признак как отражение древнейшей тактики подавляемой группы: выносливость, хитрость и слаженность против грубой мощи. Гиперболизация образа объясняется двойным фильтром передачи: страх увеличивает угрозу изнутри (подготовка к худшему), стыд — снаружи (оправдание страха перед «обычной» угрозой); за длительность пересказов реальный прототип замещается гиперболизированным образом.

6.5. Мотив «своего» чудовища и альтернативные объяснения

Ключевым признаком модель считает мотив «своего» чудовища: существо, живущее рядом с поселением, получающее регулярную дань и защищающее территорию от иных угроз. В терминах модели — это запись даннических отношений с собственнической функцией защиты (в исходной редакции — «первобытный рэкет»): регулярное изъятие в обмен на невмешательство. Альтернативные объяснения фольклорных мотивов о людоедах — универсальный страх хищника, спроецированный на человеческую форму [Brunvand 1998], проекция социального страха перед чужаками [Bettelheim 1976], память о ритуальном каннибализме в исторических культурах [White 1992] — не отрицаются, но не покрывают данный признак: хищник не «живёт рядом» и не принимает регулярной дани, а ритуальный каннибализм является актом, а не системой содержания.

Со временем детали образа размывались (дракон, змей, тролль, великан), но ядро сюжета сохранялось: существо, превосходящее человека, живущее на границе мира и требующее человеческих жертв; герой, побеждающий его не силой, а хитростью и слаженностью. Эти сюжеты не рассматриваются как до-

казательство в строгом смысле; они являются логическим следствием модели: последовательность «страх и откуп — защита — охота — миф о победе» соответствует ожидаемой траектории культурной памяти.

7. Проверяемость и условия опровержения

П1. Палеоантропологический тест. Если H1 верна, на ранних стоянках гоминид должны обнаруживаться следы систематических увечий: несращённые или заросшие переломы передних конечностей у части скелетов, следы удаления клыков (деформация зубочелюстного аппарата), возможные следы искусственного удаления шерсти (наименее фоссилизируемый признак). Проверка возможна на существующих коллекциях путём целенаправленного поиска патологий, не объяснимых бытовыми травмами или болезнями; прецедент палеоантропологической фиксации каннибализма существует [White 2001].

П2. Генетический тест. Если подавляемая линия проходила через длительное бутылочное горлышко, в геноме человека должны присутствовать следы сильного давления отбора на гены, связанные с подавлением агрессии и просоциальностью (MAOA, SLC6A4/5-HTT). Проверка — сравнение с геномами Pan troglodytes и Pan paniscus: у человека следы отбора на доброжелательность должны быть выражены сильнее, чем у шимпанзе, и сопоставимы с бонобо, у которых самодоместикация документирована [Hare 2017].

П3. Фольклорно-статистический тест. Если сказки о людоедах — культурная память о системном подавлении, их распределение должно коррелировать не с реальным присутствием хищников-людоедов в регионе, а с глубиной антропогенеза популяции и давностью перехода от жертвы к охотнику. Инструмент проверки — кросскультурный анализ ATU-индексов [10, 11] с сопоставлением по археологическим данным о времени заселения регионов.

П4. Археологический тест отсутствия костей. Если ритуальное сжигание имело место, на стоянках ранних сапиенсов вне ареала джунглей должны обнаруживаться следы масштабных кострищ с термически изменёнными костями гоминид, не объяснимых бытовым каннибализмом (при котором кости, как правило, сохраняются). Отсутствие таких находок ослабляет гипотезу сжигания; их наличие её поддерживает.

Каждый из тестов в принципе фальсифицируем: отсутствие следов систематических увечий (П1), отсутствие генетических следов отбора на покорность (П2) или отсутствие корреляции фольклорных мотивов с глубиной антропогенеза (П3) ослабили бы модель в соответствующей части. Отрицательный результат П4 опровергает версию H1, не затрагивая H1a.

8. Ограничения модели

Post hoc риск. Модель построена после наблюдения следствий и потому способна объяснить почти любой набор фактов; согласованность объяснения не эквивалентна его подтверждению. Единственная защита — проверяемые следствия раздела 7: модель должна быть отвергнута, если они не выполняются.

Экстраполяция с Pan troglodytes. Перенос наблюдаемого поведения современных шимпанзе на миоценовых предков предполагает сохранение базовых паттернов агрессии за 6–7 млн лет; это правдоподобно, но не доказано.

Скорость закрепления. Прямохождение в модели закрепляется поведенчески за несколько поколений, однако генетическое закрепление морфологических признаков (утрата клыков и шерсти) требует существенно более длительного времени. Модель интерпретирует ранние фазы как поведенческие, а морфологические изменения — как отложенное следствие длительного давления отбора; эта последовательность требует отдельной проверки.

Отсутствие прямой летописи. События предшествуют письменности; прямых свидетельств не существует, и часть аргументации по необходимости опирается на косвенные данные.

Этическая оговорка. Модель описывает механизм происхождения морали, но не может использоваться для оправдания насилия: до эмпирической проверки она не должна применяться как описание реальных событий.

9. Заключение

9.1. Выводы

1. Прямохождение возникло как вынужденная адаптация к режиму подавления, а не как прогрессивное приспособление к среде.

2. Утрата клыков в версии H1 является устранением угрозы доминанту: рефлекторное сопротивление жертвы при укусе создавало риск летального ранения.

3. Утрата шерсти в версии H1 интерпретируется как устранение помехи при потреблении — следствие прагматической оптимизации системы содержания.

4. Рост мозга является следствием двойной когнитивной нагрузки: необходимости одновременно предсказывать угрозу со стороны доминантов (сверху) и со стороны своей группы (снизу). Давление отбора на интеллект действовало на нижних уровнях иерархии.

5. Внутри удерживаемой группы существовала собственная иерархия: двухуровневый каннибализм, при котором отбор сверху шёл по критерию пищевой ценности, снизу — по критерию удобства жертвования.

6. Мораль (доброта) возникла как стратегия выживания подавляемой группы — минимизация внутригрупповой агрессии в условиях, где сопротивление вело к гибели.

7. Любовь возникла как крайняя форма той же линии — предельное самоограничение, ставшее единственной доступной формой свободы.

8. Фольклорные мотивы о чудовищах-людоедах представляют собой культурную запись опыта длительного системного подавления, сохранённую через тройной канал памяти: табу на изображение (на стене — ничего), ритуальное сжигание (в земле — ничего), рассказ (в слове — всё).

9. Тела четвероногих гоминидов ритуально сжигали, а пепел развеивали, что объясняет отсутствие их костей вне джунглей и Африки; тот же поведенческий прототип сохраняется в фольклоре как стандартный финал победы над чудовищем — сжигание с развеиванием пепла.

10. Доминирующий класс, не развивший моральных качеств, был вытеснен; линия, прошедшая через подавление, обогащённая механизмами самоограничения, дала начало Homo sapiens.

9.2. Обсуждение

При принятии модели следует вывод о том, что мораль и просоциальные качества укоренились в геноме прямых предков человека в результате длительного отбора. Предлагаемая интерпретация антропогенеза: человек является не результатом прогрессивной адаптации, а продуктом преодоления экстремальных условий системного подавления; высшие чувства сформировались в условиях, противоположных благоприятным и в силу этого обладают высокой устойчивостью.

Модель даёт иное прочтение последовательности социальных форм. Выделяются три сменявшие друг друга формы иерархии: иерархия подавления (концентрационный строй), иерархия компетенции (первобытная община), иерархия богатства (расслоившееся общество). Переход от первой ко второй осуществлялся через исход, от второй к третьей — через появление делимого избытка. Рабовладельческий строй в этой последовательности интерпретируется как промежуточная форма: норма «не уничтожай пленника» сформировалась раньше нормы «не порабощай человека», и в зазоре между ними возникло рабство. До эмпирической проверки следствий П1–П4 модель должна рассматриваться как непротиворечивая гипотеза, а не как описание реальных событий.

Литература

Пропп 1969 — *Пропп В. Я*. Морфология волшебной сказки. М.: Наука, 1969.

Дробышевский 2026 — *Дробышевский С. В*. Как возникло прямохождение // [Электронный ресурс] // Антропогенез.РУ. URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/20 (дата обращения: 28.09.2026).

Эволюционные предшественники войн [Электронный ресурс] // Антропогенез.РУ. URL: https://antropogenez.ru/antropogenez/antropogenez/quote/166 (дата обращения: 28.09.2026).

References

Are Chimpanzees Cannibals? [Electronic resource] // Britannica. URL: https://www.britannica.com/story/are-chimpanzees-cannibals (accessed: 28.09.2026).

Boehm C. Moral Origins: The Evolution of Virtue, Altruism, and Shame. New York: Basic Books, 2012.

Brunet M., Guy F., Pilbeam D. et al. A new hominid from the Upper Miocene of Chad, Central Africa // Nature. 2002. Vol. 418. P. 145–151.

Goodall J. The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior. Cambridge: Belknap Press, 1986.

Goodall J. Through a Window: My Thirty Years with the Chimpanzees of Gombe. Boston: Houghton Mifflin, 1990.

Hare B. Survival of the friendliest: Homo sapiens evolved via selection for prosociality // Annual Review of Psychology. 2017. Vol. 68. P. 155–186.

Lovejoy C. O. The origin of man // Science. 1981. Vol. 211. P. 341–350.

Propp V. Ja. The Morphology of the Folktale. Moscow: Nauka, 1969. (In Russian).

Chimpanzees are killers [Electronic resource] // Antropogenez.RU. URL: https://antropogenez.ru/antropogenez/antropogenez/quote/166 (accessed: 28.09.2026).

Sockol M. D., Raichlen D. A., Pontzer H. Chimpanzee locomotor energetics and the origin of human bipedalism // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104, No. 30. P. 12265–12269.

Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. 6 vols.

Labor theory, the labor concept of the origin of bipedalism [Electronic resource] // Antropogenez.RU. URL: https://antropogenez.ru/zveno-single/20/ (accessed: 28.09.2026).

Uther H.-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. 3 vols.

Waal F. de. Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

White T. Once were cannibals // Scientific American. 2001. Vol. 285. No 2. P. 58–65.

Wilson M. L., Boesch C., Fruth B. et al. Lethal aggression in Pan is better explained by adaptive strategies than human impacts // Nature. 2014. Vol. 513. P. 414–417.